

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
ПРЕИМУЩЕСТВА УЛЫБКИ И ЕЕ СВЯЗИ С РЕЧЕВЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ
(НА ОСНОВЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ЛЕКСЕМАМИ
УЛЫБКА И ГОВОРИТЬ)**

Крохмальник А. Ю.

**Учреждение образования
«Гомельский государственный медицинский университет»
г. Гомель, Республика Беларусь**

Введение

Улыбку можно считать одной из наиболее употребительных невербальных коммуникативных единиц. Как отмечает Г. Е. Крейдлин, «лицо и многие связанные с ним мимические жесты и движения, такие как поднимать брови, закрывать глаза, надуть губы, поджать губы, закусить губу, наморщить лоб, нахмуриться, улыбка, поцелуй и некоторые другие, не только соотносятся с конкретными эмоциями, но и выполняют определенные коммуникативные и социальные функции» [1, с. 228]. Он же отмечает, что «функция (1) выражения чувств и отношений является одной из главных функций лица. Остальные функции лица — это (2) коммуникативная, то есть передача адресату эмоциональной и иной информации, а также отражение межличностных отношений, и (3) регулятивная, в частности фатическая, функция, ср., например, лицевые реакции на сообщения других людей» [1, с. 228]. Кроме того, «улыбка для нас это не один жест, ... а класс семантически разнородных жестов» [2, с. 68].

Как отмечает М. Ван Гауберген, «улыбка ... должна выражать чувства и тем самым уже относится к информативной части общения» [3, с. 228]. Вместе с тем в художественных произведениях можно найти большое количество примеров, в которых улыбка позволяет выразить не только эмоциональные переживания, но и фактические сведения. Это становится возможным при использовании модели «улыбка + говорить», позволяющей раскрыть большой ситуативный коммуникативный потенциал данной невербальной единицы.

Цель

Выявить и определить основные особенности улыбки как компонента невербальной коммуникации, которые позволяют более точно и убедительно доносить до партнера по общению необходимую информацию по сравнению с речевыми средствами.

Методы исследования

Основными методами данного исследования являются метод сплошной выборки фактического материала, контекстуальный анализ и лексикографический метод.

Результаты исследования и их обсуждение

В ряде случаев улыбка имеет **преимущество перед** обычным **речевым взаимодействием**, что находит отражение в следующем контексте: *И обе они с улыбкой взглянули друг на друга — с открытой и всепрощающей улыбкой, которая лучше слов говорила о том, что каждый не без изъяна, но надо уметь сдерживаться и смотреть на мир шире и доброжелательнее* (Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня (2003). Конструкция *лучше слов* подчеркивает исключительную важность улыбки как коммуникативной единицы. Экспрессивность, экономия временных ресурсов и способность передавать ту информацию, которую лучше не выражать в виде слов, являются преимуществами улыбки перед вербальным взаимодействием. Поскольку героини контекста идут на примирение друг с другом, делая при этом легкое замечание, улыбка позволяет сгладить критический элемент коммуникации и одновременно выявить доброжелательность каждого из участников коммуникации.

Преимущество улыбки становится очевидным и в том случае, когда она выражает отношение к собеседнику: *Сначала Игорь тоже пытался о чем-то говорить, быть занимательным и остроумным не хуже Филиппа, — Надька отвечала односложно, с улыбкой, и улыбка ее говорила гораздо больше, чем все его никчемные слова, — так, во всяком случае, ему казалось* (Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964–1997). Герой контекста хочет произвести впечатление на героиню, быть *занимательным* ‘вызывающим интерес, привлекающим внимание’ и *остроумным* ‘обладающим, отличающимся остроумием’, ‘изошрённостью мысли, остротой ума’, ‘изобретательностью в нахождении удачных, ярких, красочных, смешных или язвительных и метких выражений’. Коммуникативный потенциал улыбки также передается при помощи словосочетания *никчемные слова* (никуда не годные, излишние, бесполезные). В последних словах предложения отмечается, что выразительная сила улыбки во многом зависит от восприятия собеседника.

Кроме того, преимущество улыбки перед вербальной коммуникацией может указываться в отсутствии необходимости прибегать к речевым единицам при выражении определенных мыслей: *А отец по-прежнему смотрел с улыбкой на сына, и улыбка эта говорила без слов: «Мой сын... Горжусь я таким-то. Мой сын иначе и поступить не мог»* (Л. А. Чарская. Репетитор (1912). Несмотря на то, что во многом подобная улыбка указывает на определенное эмоциональное состояние героя — гордость за своего сына, — речь идет и о дополнительной передаче информации (*Мой сын иначе и поступить не мог*). Экспрессивность невербальной коммуникативной единицы усиливается за счет ее длительности или частой повторяемости, что отражается в слове *по-прежнему* ‘так же, как и прежде; по-старому; без каких-либо изменений’. Как и в предыдущем случае, улыбка в большей мере отражает отношение одного героя контекста к другому.

Улыбка и другие элементы невербальной коммуникации могут заслуживать **больше доверия** по сравнению с речевыми единицами: *Но огонь глаз и удовлетворенная улыбка говорят противное. Уланы верят им более, нежели словам, и не торопятся домой* (Н. А. Дурова. Кавалерист-девица (1835). Слово *противное* ‘устар. то же, что противоположное’ указывает на практически полную невозможность сокрытия истинных мотивов определенных поступков в невербальной коммуникации. По причине различного восприятия смысла речевого и несловесного взаимодействия собеседниками выявляется ложность части передаваемой информации. В подобных случаях приоритет подсознательно отдается несловесным единицам вследствие их большей экспрессивности.

Помимо приоритета улыбки перед вербальной коммуникацией, она может **соотноситься** с ней благодаря параметрам **экспрессивности** и **ситуативности**. В этом случае дополнительно используются сравнительные союзы *как бы, как будто, будто*: *Она стояла с немного униженной, но в то же время и дерзковатой улыбкой, как будто говорила: если ты хочешь, чтобы я в прошлом ни с кем не спала, боюсь, из этого ничего не получится* (Василий Аксенов. Тайнственная страсть (2007). В таких контекстах обычно иллюстрируется внешнее исполнение несловесной коммуникативной единицы, после которого следуют сравнительный союз и авторское пояснение. При этом указывается на неравнозначность информативно наполненных и фатических улыбок, которые демонстрируют «лицевые реакции на сообщения других людей» [1, с. 228]. Достаточно значимыми оказываются определения и другие комментарии улыбки как таковой, например — *униженная* ‘связанная с умалением достоинства, оскорблением самолюбия’ и *дерзковатая* ‘в некотором роде самонадеянная, надменная, непочтительная, вызывающая’. Развернутое описание улыбки необходимо оценивать в тесной связи с данными словами и словосочетаниями. Невербальная коммуникативная единица имеет несомненное преимущество перед речевым взаимодействием, так как связана с передачей глубоко личной информации.

Как уже отмечалось выше, интенсивное или часто повторяемое невербальное коммуникативное действие позволяет максимально полно выразить отношение к собеседнику. В комментарии к другому контексту указывалось, что несловесные акты обычно заслуживают большего доверия по сравнению с речевыми фразами. Все это находит отражение и в следующем случае: *Последние дни, проснувшись, она всегда смотрит на меня с улыбкой, и эта улыбка будто говорит: «Не бойся, Панька!»* (П. Н. Филонов. Дневник (1930–1939). Суггестивный характер многих улыбок позволяет эффективно использовать их вместо вербальной коммуникации даже в тех случаях, когда собеседники относятся друг к другу настороженно или не слишком хорошо знают друг друга. В данном контексте не просто участвует в создании положительного эмоционального фона, но и делает значительный вклад в установлении будущих доверительных взаимоотношений.

Точно таким же экспрессивным потенциалом обладают те улыбки, которые позволяют выразить превосходство одного из участников коммуникативного акта перед другим: *Перед нею стоял все тот же ординарный господин Мичулин, которого она аккуратно видала каждое утро и каждый вечер; все так же геморроиден был цвет его испещренного рябинами лица, только на губах едва заметно играла не лишенная едкости и самодовольства улыбка, как будто бы говорила эта улыбка: «А что, задал я тебе, голубушка, загвоздку; на-тка, поди, раскуси ее!»* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело (1848–1863). При описании улыбки используются слова *играть* ‘с живостью обнаруживаться, меняя оттенки своего выражения’, *едкость* ‘язвительность, колкость’ и *самодовольство* ‘состояние самодовольного человека; довольство самим собой’. Эти слова участвуют в формировании целостного значения улыбки, которое передается при помощи компонента прямой речи, и позволяют судить о скрытом смысле несловесного коммуникативного компонента.

В некоторых случаях для более точного понимания значения улыбки приходится обращать внимание на речевые реплики, а также знать о взаимоотношениях героев: — *Выдумщик Борис Федорович, — заметил, улыбаясь, дядюшка, посмотрев на птицу. Его улыбка как будто говорила: «Парень — не дурак, а такими глупостями занимается!»* (Н. Н. Алексеев. Заморский выходец (1900). Слово *выдумщик* ‘тот, кто выдумывает, придумывает, изобретает что-либо’ имеет частичную дополнительную коннотацию ‘фантазер’, что и отражает не совсем одобрительный подтекст невербальной коммуникативной единицы. Вместе с тем герою удается скрыть подобное восприятие собеседника и целостной ситуации, что позволяет сохранить хорошие взаимоотношения между персонажами.

Заключение

При отражении преимущества улыбки перед речевой коммуникацией, а также при соотношении с ней на первом плане оказываются экспрессивный потенциал невербальных компонентов, более высокая степень доверия к ним по сравнению со словами, установление, сохранение и поддержание хороших взаимоотношений между героями, а также возможность скрыть те или иные факты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин, Г. Е. Словарь языка русских жестов / Г. Е. Крейдлин, Н. В. Григорьев, С. А. Григорьева. — М.-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. — 256 с.
2. Крейдлин, Г. Е. Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов) / Г. Е. Крейдлин, Е. А. Чувиллина // Вопросы языкознания. — 2001. — № 4. — С. 66–93.
3. Гауберген, М. Ван. Фатический элемент в ритуальной динамике / М. Ван Гауберген // Ритуал в языке и коммуникации: сборник статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. — М.: Знак: РГГУ, 2013. — 512 с.